

Знаете такое выражение: «оказать честь» или вот ещё – «оказать доверие»? Что ещё можно оказать? Можно ещё оказать услугу, внимание, заботу, помощь, содействие, сочувствие... Не припомню, что ещё можно оказать. Но со словом «оказать» всегда связано что-то хорошее, важное и благородное. Но доверие, на мой взгляд, самое серьёзное и прекрасное, что может оказать один человек другому. И я помню, как в первый раз в жизни, мне было оказано доверие. Именно оказано.

В школе я никак не мог найти себе занятия. Точнее, не в самой школе, а в школьном возрасте. А занятие очень хотелось найти. Часто бывало скучно, а энергии было много. В своё время, то есть в младших классах, родители меня не отдали в музыкальную школу. Ни папа, ни мама на музыкальных инструментах не играли. Жили мы тогда то в съёмной маленькой квартире, то в общежитии. Пианино просто некуда было поставить. Да и если бы меня отдали учиться играть на скрипке, баяне или даже на флейте, куда деваться от звуков? Родителей я понимаю. Жалко, конечно, что из-за этого я не владею никаким музыкальным инструментом, но понять родителей можно.

Спортом я никаким не увлёкся. Я хотел ходить на бокс или фехтование, но ездить нужно было далеко, через весь город. Записался на плавание, походил в бассейн, но как только ударили морозы, я стал часто простывать, пропускать и плавание и школу. Так что с этим пришлось быстро завязать. Какое-то время ходил на хоккей. Моментально научился хорошо и маневренно кататься на коньках, но вот играл я плохо. Катался я лучше многих, но вот играл совсем плохо. Казалось, и бросать шайбу могу, и пас отдать могу, но игра не шла. Я не видел, что происходит на площадке, не понимал ситуации, а главное, мне было всегда всё равно, выиграем мы или нет. Не было у меня азарта. Тренер через какое-то время это понял, и порекомендовал мне прекратить занятия хоккеем, и не заниматься другими видами игрового спорта.

Тогда я пошёл в кружок авиасудомоделирования. Там люди моего возраста творили чудеса. Их самолёты летали, корабли плавали. Там я увидел тринадцатилетних, таких же, как я, парней, которые целый год могут конструировать и, не торопясь, изготавливать модель катера или яхты. Быстрых успехов я там не добился, руки у меня оказались не золотые, в число любимых и перспективных учеников я не попал и отвалил.

Я тогда довольно много читал. Но мои одноклассники после уроков спешили на тренировки, занятия, репетиции, а я шёл домой. Я не мог поддержать общего разговора о соревнованиях или выступлениях. Про меня учителя не спрашивали: «А где он сегодня, почему отсутствует на уроке?» И про меня не говорили одноклассники: «А он уехал на соревнования в Омск, вернётся в понедельник». Про меня не сообщала наша классная руководительница: «Не теряйте его, он с городским хором уехал в Минск на конкурс, пожелаем ему успехов».

С шахматами, шашками ничего не вышло.

Хуже всего было летом. Летом было ну уж совсем скучно. Были такие дни, когда интересной книжки нет, кино интересного ни одного в кинотеатрах не шло, все куда-то поразъехались, по телевизору одна ерунда, пойти выпить квасу или съесть мороженого одному не хотелось. Вот и проходил целый день так тягуче и утомительно либо в бессмысленном валянии дома на диване, пока родители на работе, либо в одиноком слонянии по городу и рассматривании пыльного асфальта. В голове в такие дни звенела тишина и пустота.

Недавно я вспомнил такое своё летнее состояние и сильно по нему поскучал. Я даже поделился своими воспоминаниями с приятелем. Мы как раз сидели у него на даче, стоял жаркий июльский день. Я напомнил ему о детско-юношеском летнем скучании и сказал о том, что с удовольствием поскучал бы так, как тогда. Потому что теперь, когда выпадает

безделье, это всё равно не та скука, в голове-то всё чего-то копошится, варится, беспокоит и не отпускает. И ещё уже не вернуть того детского ощущения неподвижности времени.

Мой приятель, весьма занятой человек, тут же это ощущение вспомнил и тоже пожалел о нём и о его безвозвратности. С нами тогда сидел и слушал наши разговоры его шестнадцатилетний сын.

- А у меня каждый день такой, - кислым тоном сказал он нам, нас дослушав.

В общем, я искал, искал занятие, и в итоге к четырнадцати годам его нашёл. Точнее, занятие нашло меня. Родители подарили мне на тринадцатилетие фотоаппарат. Это был серьёзный и взрослый подарок. Но фотоаппарат тогда и процесс фотографирования тогда были далеко не тем же самым, чем они являются теперь. Это теперь фотоаппараты делают всё сами, и процесс изготовления фотографий не составляет никакого труда. Именно из-за этого так много фотоснимков накапливается в домах целыми кипами. Редко у кого доходят руки подписать эти фотографии или оформить их в альбомы. Так и лежат эти картинки жизни где-то в шкафах, и уже невозможно восстановить, в каком году сделан тот или иной снимок. Да и лица многих случайных летних приятелей, попутчиков, собутыльников кажутся незнакомыми, а их имена вылетели из головы безвозвратно.

А тогда купить фотоаппарат - это было пол дела, даже четверть дела. Нужно было к нему купить фотоувеличитель, для того чтобы фотографии печатать, а ещё фотофонарь с красным стеклом, ванночки для проявителя, закрепителя и промывания фотографий. Нужен был фотоэкспанометр, чтобы правильно определять, какую выставить выдержку и диафрагму на фотоаппарате и объективе, нужен был фотобачок, для проявления фотоплёнки... И ещё нужно было уметь всем этим пользоваться. Представляете, как трудно было заправлять плёнку в кассету, а потом для проявки в фотобачок. Это нужно было делать в полной темноте. Короче, я всего этого делать не умел, и подаренный фотоаппарат пролежал без дела почти год.

- Мы тебе уже год назад подарили отличный фотоаппарат, и где фотографии? – спросил как-то в раздражении отец, когда я, очевидно, маялся от скуки и безделья, - вот и дари тебе что-нибудь после этого. Вот и думай, чем тебя занять!

После такого жёсткого замечания ...